

МУЗЫКАЛЬНО-ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР В КОНТЕКСТЕ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ

Н.В. Анисимов, И.В. Пчеловодова

Николай Владимирович Анисимов | <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562> | kyldysin@yandex.ru | PhD, старший научный сотрудник отдела фольклористики | Эстонский литературный музей (ул. Ванемуйзе 42, Тарту, 51003, Эстония) | научный сотрудник отдела филологических исследований | Удмуртский институт истории, языка и литературы, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН (ул. Ломоносова 4, Ижевск, 426004, Россия)

Ирина Вячеславовна Пчеловодова | <https://orcid.org/0000-0002-5553-0100> | orimush@mail.ru | к. филол. н., старший научный сотрудник отдела филологических исследований | Удмуртский институт истории, языка и литературы, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН (ул. Ломоносова 4, Ижевск, 426004, Россия)

Ключевые слова

закамские удмурты, кульп предков, похоронно-поминальные обряды, коммуникация с миром мертвых, песенный фольклор, похоронно-поминальные песни

Аннотация

Статья посвящена описанию и анализу музыкально-песенного фольклора закамских удмуртов в контексте похоронно-поминальной обрядности. На примере имеющихся публикаций, архивных и полевых материалов рассматриваются функционирование, символика, терминологические и музыкально-поэтические аспекты песен/напевов внутри обрядов погребения и поминовения. Изученные нами источники свидетельствуют о сильном влиянии соседней тюркской песенной культуры. Анализ похоронно-поминальных песен закамских удмуртов показал, что одного типового напева не существует и можно говорить о бытования нескольких локальных характерных напевов. В большинстве случаев в качестве похоронно-поминальных исполняются гостевые напевы, лирические и авторские песни. Последние в музыкальном отношении имеют непосредственную связь с культурой соседних тюркских этносов (татар, башкир, отчасти чувашей). Включение авторских песен в ритуальный контекст объясняется тем, что они позволяют выразить сильные эмоции, проявление которых в повседневной жизни не приветствуется. В целом исследование подтвердило коммуникативную роль исполнения песен в сакральном диалоге миров в рамках похоронно-поминальной обрядности.

Статья поступила 06.05.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 02.08.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Анисимов Н.В., Пчеловодова И.В. Музыкально-песенный фольклор в контексте похоронно-поминальной традиции закамских удмуртов // Этнографическое обозрение. 2025. № 1. С. 177–197. <https://doi.org/10.31857/S0869541525010099> EDN: URJHIP

Anisimov, N.V., and I.V. Pchelovodova. 2025. Myzykal'no-pesennyyi folklor v kontekste pohoronnopominal'noi traditsii zakamskikh udmurtov [Musical-Song Folklore in the Context of Funeral-Memorial Tradition of the Eastern Udmurts]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 177–197. <https://doi.org/10.31857/S0869541525010099> EDN: URJHIP

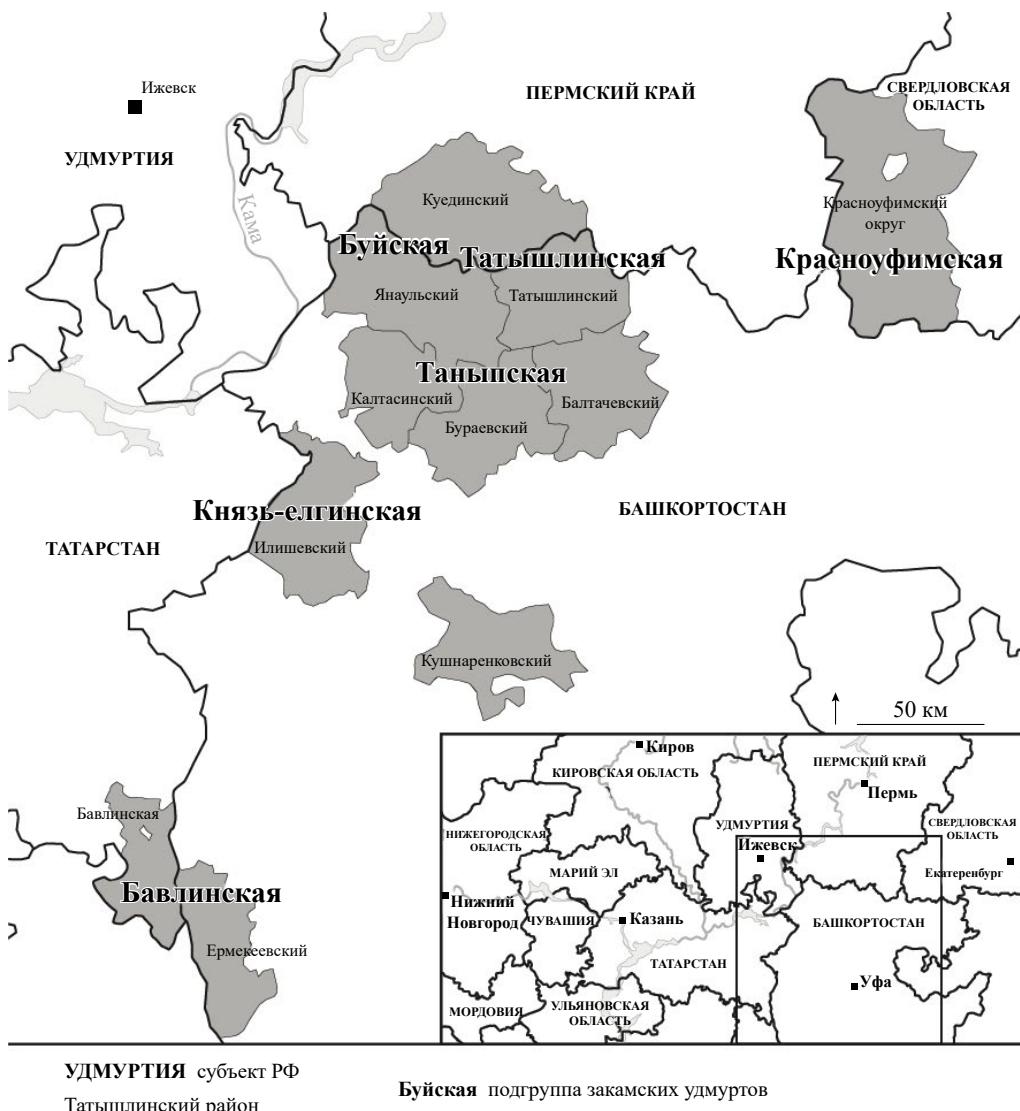
Закамские удмурты представляют собой отдельную локальную группу. Их название связано с местом проживания относительно Удмуртской Республики (далее – УР) – за р. Камой. Представители этой этнической общности компактно расселены в Балтачевском, Бураевском, Илишевском, Калтасинском, Кушнаренковском, Татышлинском, Янаульском районах Республики Башкортостан (далее – РБ) и Куединском р-не Пермского края (далее – ПК) (см. Рис. 1). К закамским удмуртам ряд ученых относит представителей бавлинской (Бавлинский р-н Республики Татарстан [далее – РТ] и Ермекеевский р-н РБ) и красноуфимской (Красноуфимский р-н Свердловской обл.) подгрупп (Насибуллин 1972; Миннияхметова 2000, 2003; Садиков 2001, 2008, 2019). Заметим, что в прошлом вопрос о включении в состав закамской группы бавлинских удмуртов вызывал некоторые споры и дискуссии из-за исторических, культурных и социальных отличительных особенностей последних, а некоторые этнографические и лингвистические исследования определяют бавлинских удмуртов как самостоятельную группу (Тараканов 1958; Косарева 2000: 162–163; Атаманов 2004, 2005: 113; Кельмаков 2006: 42).

Закамская группа сформировалась в результате трех волн миграции удмуртов на территории современной РБ в XVI–XVIII вв.: первая относится к XVI в. и стала следствием падения Казанского ханства и дальнейших событий; вторая, связанная с введением подушной подати, пришлась на начало XVIII в.; третья, в середине XVIII в., была спровоцирована насильственной христианизацией нерусского населения (Луппов 1901: 214–215; Атаманов 2005: 116–119; Никитина 2016: 42).

Похоронно-поминальная обрядность удмуртов относится к разряду переходных, она репрезентирует древние религиозные воззрения, отражает мифологические представления о миропонимании, а также особые взаимоотношения обитателей мира живых и мертвых. В традиции закамских удмуртов эта обрядность представлена несколькими этапами: подготовка к похоронам; ночные бдение; общественное прощание; похороны; частные поминки на 3, 7, 40 дней и годовщину; обряд жертвоприношения животного покойному родителю спустя год и более. Далее следуют поминания во время календарных и семейных праздников и оккasionальных церемоний. Зафиксировано также бытование особого поминального ритуала, совершающегося каждые три года.

Если исследованию похоронно-поминальных обрядов закамских удмуртов посвящено немало работ (см.: Wichmann 1894; Христолюбова, Миннияхметова 1994: 41–44, 2001; Черных 1995; Лаллукка и др. 2014; Садиков 2017, 2019: 193–236; Анисимов 2022), то песенная традиция в контексте этих обрядов никогда еще не была объектом пристального внимания. И только отдельные аспекты музыкально-песенного фольклора закамских удмуртов были проанализированы в нескольких научных публикациях (Миннияхметова 1989; Vikár, Bereczki 1989; Нуриева 2013; Смирнова, Бочкарева 2020; Пчеловодова, Анисимов 2020, 2022) и дипломных работах (Камалтдинова 2007; Бочкарева 2020).

В рамках данной статьи предлагается рассмотреть значение и роль музыкально-песенного фольклора в контексте похоронно-поминальной традиции закамских удмуртов. Для исследования были использованы опубликованные материалы, экспедиционные записи сотрудников Удмуртского института истории, языка и литературы (далее – УИИЯЛ) Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, хранящиеся в Научном архиве института, а также полевые записи Н.В. Анисимова, сделанные в ходе поездок к закамским

Рис. 1. Ареалы компактного расселения закамских удмуртов по классификации Р.Р. Садикова (автор В. Дотанкур)

удмуртам в период с 2016 по 2023 гг. в Балтачевский, Бураевский, Калтасинский, Татышлинский и Янаульский районы РБ.

В удмуртской культуре в переходные (кризисные, т.е. связанные с глубокими изменениями) моменты жизни, такие как похороны, замужество, отправление на военную службу, наряду с песней всегда присутствует плач¹. Оба явления не только имеют психологическое значение, но и несут семантическую и символическую нагрузку, отражающую трансформационные процессы. По словам информантов, песня помогает выплакаться, успокоить опечалившееся сердце:

...исполняя песню и выплакаться легче (*кырёсаса бёрдыны но кäпчигес луз*)
(ПМА 3: Суфиярова);

если плачешь, и сердце смягчается (*бёрдиськод ке, нош сюлэм но небэе индэ*); плачешь – слезы льются, и онемение сердца проходит (*бёрдиськод – синкыли потэ, катэм быре ини сюлэмелды*); если пою, если плачу, вся печаль отступает (*кырёсаско ке, бёрдисько ке, вань куйыке таралэ*) (ПМА 8).

В целом можно сказать, что исполнение песен на похоронах и поминках выполняет три важные функции. Оно служит: 1) для психофизиологического разряжения обстановки, выплескивания эмоций; 2) для объединения коллектива через соучастие в одном ритуальном событии; 3) для коммуникативного альтернативного общения, в котором осознанно используется специфический стиль взаимодействия с иным миром.

В традиции закамских удмуртов бытует несколько обозначений песен, обслуживающих похоронно-поминальные обряды. Одни из них указывают на сам обряд и непосредственно на ситуацию исполнения напева: похоронный напев (букв.: похоронный напев/напев похорон покойника) (*октон күй/шёй октон күй*); напев [исполняемый] во время [нахождения в доме] покойника (*кулэм мурт дыръя күй*); напев проводов покойника (*шёй келян күй/шёй келякы күй/кулэм шёй келян гүй/кулэм мурт келян куй/кулэм келян*); напев [исполняемый] возле покойного (*кулэм мурт дорын гүй/шёй дорын күй*); [напев, исполняемый] во время похорон (букв.: [напев, исполняемый] во время покойника) (*мурт кулёкё [күй]*); напев для покойника (букв.: напев во время покойника) (*кулэм вылын гүй*). Другие делают акцент на эмоциональной стороне: горестная песня (*дёж кырзан*); скорбный напев (*кайгерон күй*); скорбная песня/напев (*кё^откуректон көрзан/күй*). Кроме того, бытуют именные напевы, в названии которых обозначается имя человека, связанного с данной песней. Так, по словам Насипуллина Анатолия Гарифуллиновича (1951 г.р.), приведенный ниже напев исполнял его пожилой сосед Апкаrim. От Апкаrima этот напев выучили родители Анатолия Гарифуллиновича, а от них – и он сам:

Апкаrim күй/Шёй дорын күй

Герей но күзя(й)ын вож-вож сутэр,
Оген-оген гынэ, ла, кисьмалоз,
Оген-оген гынэ, ла, кисьмалоз.

Милемыз но съёд музземмы
Оген-оген гынэ, ла, бичалоз,
Оген-оген гынэ, ла, бичалоз.

Түэ но турымез мон ёй турна,
Намерпруткаёсиз но жаляса,
Намерпруткаёсиз но жаляса.

Сäхрае потыса ог күй кырзай,
Орччем гымыркайёсме жаляса,
Орччем гымыркайёсме жаляса.

Напев Апкаrimа/Напев [исполняемый] возле покойного

Вдоль [реки] Герейки зеленая-зеленая
смородина,
По одной ягодке только, ла, она созреет,
По одной ягодке только, ла, она созреет.

Так и нас наша черная земля
По одному только, ла, станет собирать,
По одному только, ла, станет собирать.

И нынче травушку я не косила,
Жалея да кусты костяники,
Жалея да кусты костяники.

Выходя на приволье, один напев спела,
Жалея прошедшей своей жизни век,
Жалея прошедшей своей жизни век (ПМА 3).

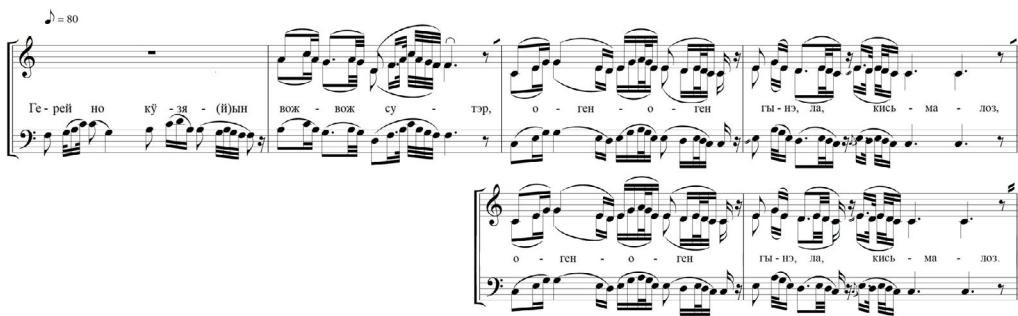

Рис. 2. Нотный пример. *Апкарим күй/Шёй дорын күй* – Напев Апкарима/Напев [исполняемый] возле покойного (ПМА 3. Расшифровка Е.А. Софоновой)

В некоторых случаях сам человек при жизни наказывает, какие песни должны звучать на его похоронах. Если покойный был искусным в пении и часто пел, при погребении старались исполнить его любимые песни. В с. Каймашабаш Янаульского р-на РБ наши информантки-сестры, в частности, отметили, что после смерти матери они пели ее песни: “Мы вот мать проводили <...> Какие она песни пела, [мы] все их спели” (*Ми бон тани, анаймес келямы индэ <...> Кыше со кырзанъесыз кырза вал, соосыз долак кырзами*) (ПМА 4: Бадретдинова, Богданова). Иногда, вспоминая покойных родителей, могут исполнить их напевы: напев матери (*анайлэн/анкайлэн гүез/күез*), напев отца (*атайлэн/аткайлэн гүез/күез*):

Анайлэн гүез

Уфае но мөн[θ]тэк кыли
Уфа юмыны уакытэ.
Ырәкәтэз адьтэк кыли,
Самой пинал уакытам.
Ырәкәтэз адьтэк кыли,
Самой пинал уакытам.

Пинал(ы) дыръям пинал ўырам
Ӧй изъя мон чагыр шет.
Азылапалзэ уг тодйсыкы,
Орчем гымыре зәргес жаль.
Азылапалзэ уг тодйсыкы,
Орчем гымыре зәргес жаль.

“Үйи чир(ы)дэ”, – шуиськоды.
Кику сүле өвөл-а?
“Нунал орчче”, – шуиськоды.
Гымыр орчче өвөл-а(у)?
“Нунал орчче”, – шуиськоды.
Гымыр орчче өвөл-а(у)?

Напев матери

Осталась, не поехала в Уфу,
В [самую] красивую пору Уфы.
Осталась, не увидев блага,
В свою самую молодую пору.
Осталась, не увидев блага,
В свою самую молодую пору.

По молодости свою молодую головушку
Не покрывала я голубым платком.
О [своем] будущем я не знаю,
Больше жаль мне свою ушедшую молодость.
О [своем] будущем я не знаю,
Больше жаль мне прошедшую молодость.

“Соловей поет”, – говорите.
Не кукушка ли кукует?
“День проходит”, – говорите.
Не жизни ли век проходит?
“День проходит”, – говорите.
Не жизни ли век проходит? (ПМА 4)

Исполнение песен в похоронно-поминальных обрядах отмечается уже с момента ночного бдения (*уй пүкет*) у гроба покойника. Однако если человек умер молодым, пение во время ночного бдения не приветствуется. Как правило,

запевает один из участников церемонии, а затем подхватывают остальные. Вынос гроба также сопровождается песнями. Информанты отмечают, что раньше покойника с песней провожали до разделительной границы между окультуренным и неокультуренным пространствами; границей служили полевые ворота (*бусы капка*). В отдельных деревнях, когда умершего везут на кладбище, исполняют скорбные песни под гармошку или тальянку (Садиков 2019: 206; ПМА 9). В с. Шудек Янаульского р-на РБ отметили, что во время похорон (*шой октон*) и поминок (*кисытон*) должны быть исполнены как минимум три горестных напева (ПМА 5: Гараева).

Поминальные напевы звучат и во время проведения поминок на 3, 7, 40 дни и годовщину. Так, в д. Верхний Тыхтем Калтасинского р-на РБ в день частных поминок, провожая душу покойного, поют поминальные песни, которые здесь обозначают как *кисытон күй* (Садиков 2019: 209). В с. Большекачаково этого же района в 2022 г. Н.В. Анисимовым зафиксировано в аналогичной ситуации опрокидывание у ворот пищевых даров и исполнение поминального напева *кисытонын келясъыку* (букв.: [напев, исполняемый] во время проводов [души] на поминках).

Традиционно поминальные напевы исполняются на удмуртском и татарском языках, нередко оба языка используются в одной песне:

Шой келякы гүй

*Гур(ы) котыр(ы)тый бер(ы)гай, бер(ы)гай,
Öй шöдты пер(ы)сят(ы)каме шол.*
*Шай(ы) котыр(ы)тый бер(ы)гай, бер(ы)гай,
Öй(ы) шöдты аныкайме,*
*Шай(ы) котыр(ы)тый бер(ы)гай, бер(ы)гай,
Öй(ы) шöдты аныкайме.*

*Чагыр(ы) куко лампугае
Зүгүт жуа вал гой со шол.*
*Съёд синкашо аныкае/ Съёд сим(ы)дурьем
аныкае*
Кыл(ы) уз(ы) вера вал(ы) гой(ы) со.
Съёд сим(ы)дурьем аныкае
Кыл уз(ы) вера вал(ы) гой(ы) со.

*Ат(ы)лар киле, ат(ы)лан, ат(ы)лан,
Алма сисъкесын тап(ы)-тап(ы) шул.*
Сагынган(ы)да карап идым(ы)
Тыра кар ур(ы)ман(ы)лар(ы)да,
Сагынган(ы)да карап идым(ы)
Тыра кар ур(ы)ман(ы)лар(ы)да².

Напев проводов покойника

Вокруг печи крутилась, крутилась,
Не нашла ведь свою перчатку.
Вокруг кладбища бродила, бродила,
Не нашла свою матушку,
Вокруг кладбища бродила, бродила,
Не нашла свою матушку.

На голубой ножке моя лампа
Ярко горела было ведь она.
Чернобровая моя матушка

Не ругала ведь [меня] она.
Чернобровая моя матушка
Не ругала ведь [меня] она.

Лошади идут шагом, шагом,
Топча яблони цвет.
Во время тоски увиделась бы,
Но [ведь] снег лежит в лесах,
Во время тоски увиделась бы,
Но [ведь] снег лежит в лесах (ПМА 5).

Одного типового напева не существует, но выделяется несколько характерных напевов, зафиксированных в разных населенных пунктах. Так, часто используется напев с нисходяще-восходящей мелодикой под разными обозначениями (похоронный напев – *октон күй*, [напев] проводов покойного – *кулон келян*, напев [исполняемый] возле покойного – *кулэм мурт дорын күй*, скорбный напев – *кайгырон күй*) (см. Рис. 3).

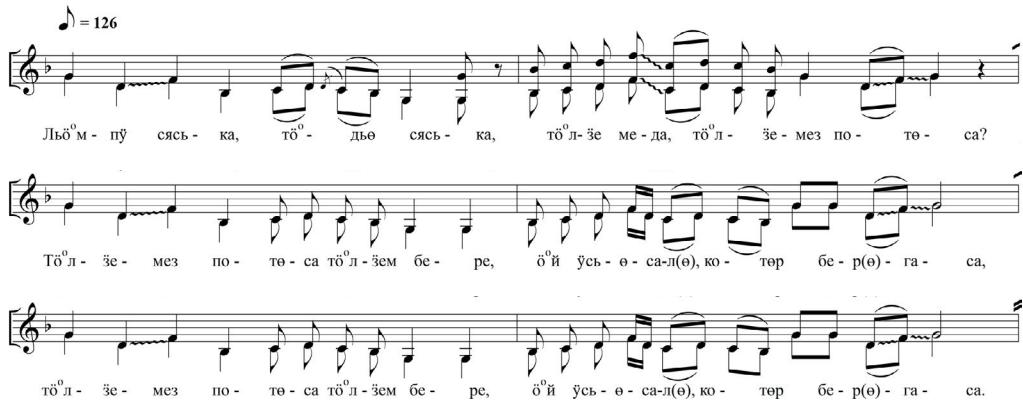

Рис. 3. Нотный пример. *Кулон келян [куй]* – [Напев] проводов покойного (ПМА 2. Расшифровка И.В. Пчеловодовой)

Широкий диапазон звукорядов похоронных напевов объясняется особенностями их мелодического развития, когда начало музыкальной строфы звучит чаще в верхнем регистре – “захватывает верхнюю (иногда среднюю) часть звукоряда с временной опорой (остановкой) на одном из средних тонов”, а завершение “строится на нижнем отрезке звукоряда” (Кондратьев 2007: 98). Подобное развитие мелодики чувашский этномузыколог М.Г. Кондратьев обозначает как “фазовое” развертывание. Исполнение песен отличается количеством мелизматических украшений; темп зависит от состояния участников (см. Рис. 4, 5).

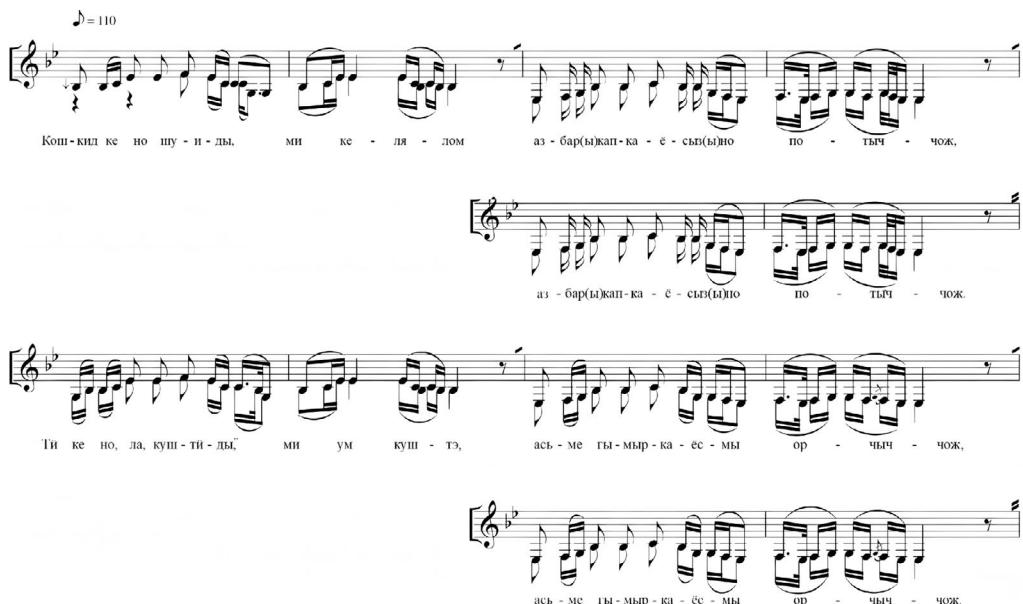

Рис. 4. Нотный пример. *Шой келякы гуй* – Напев проводов покойника (ПМА 5. Расшифровка Е.А. Софоновой)

$\text{♩} = 150$

Ай(о), ар-ня жёт, ар-ня жёт, ар-ня же- тад и- зись- код.

С- зель лок- тоз пу- ми- тад, пи- на- лэ- но- з(о) мо- йи- ез.

С- зель лок- тоз пу- ми- тад, пи- на- лэ- но- з(о) мо- йи- ез.

Рис. 5. Нотный пример. *Мурт кулыкы [күй]* – [Напев] во время похорон (НА УИИ-ЯЛ 2. Расшифровка И.В. Пчеловодовой)

В качестве похоронно-поминальных напевов достаточно часто используется распространенная в Удмуртии лирическая песня “Вож бадяр, ой, кадь ик...” (“Зеленый клен, ой, словно...”) и авторские песни. Приведем ниже в качестве примера одну из авторских песен (сл. местной поэтессы И. Самигуловой, муз. В. Самигулова):

Кулэм мурт дыръя күй

*Нимасько тонэ шунды,
Нош малы уд пиштыйсыкы?
Нимасько тонэ толэзь,
Үйёсы уд јүжасыкы.*

*Нимасько мон, нимасько,
Чошатско, синмаськисько,
Нош уг луы валамед,
Кезыт тол кадь кынмемед.*

*Нимасько чуж итамас,
Аззыны нош ик дйллась.
Нимасько чук тюрагай,
Өд кырзя, юнме нимай.*

*Нимасько мон, нимасько,
Чошатско, синмаськисько,
Нош уг луы валамед,
Кезыт тол кадь кынмемед.*

**Напев [исполняемый] во время [нахождения в доме]
покойника**

Называю тебя солнцем,
Так почему же не светишь?
Называю тебя месяцем,
[Но] по ночам не входишь.

Называю я, называю,
Сравниваю, влюблуюсь,
Но не можешь понять,
[Ты] замерз, словно холодная зима.

Называю я, называю,
Сравниваю, влюблуюсь,
Но не можешь понять,
[Ты] замерз, словно холодная зима.

Называю желтой купальницей,
[Но] увидеть [тебя] вновь [расцветшим] не удалось.
Называю утренним жаворонком,
[Но] не пел [ты], зря называла.

Называю я, называю,
Сравниваю, влюблуюсь,
Но не можешь понять,
[Ты] замерз, словно холодная зима.

*Кызы гинэ ёй нима,
Майн но ёй чошатъя,
Тон астэ ачиd нимад:
“Бус” шуид – ышид пырак.*

*Нимасъко мон, нимасъко,
Чошатко, синмасъкисъко,
Нош уг луы валамед,
Кезыт тол кадь кынмемед.
Нимасъко мон, нимасъко,
Чошатко, синмасъкисъко,
Нош уг луы валамед,
Кезыт тол кадь кынмемед.*

Как только не называла,
С чем только не сравнивала,
Ты сам себя назвал:
Сказал “Туман” – пропал навсегда.

Называю я, называю,
Сравниваю, влюблуюсь,
Но не можешь понять,
[Ты] замерз, словно холодная зима.
Называю я, называю,
Сравниваю, влюблуюсь,
Но не можешь понять,
[Ты] замерз, словно холодная зима (ПМА 7).

Если в содержании авторских песен отражается непосредственное отношение к соответствующим событиям, то в тексте народной лирической песни тема смерти, перекликающаяся с мотивом старения, противопоставляется теме молодости. Так, говорится, что тело, в молодости стройное, словно клен, по мере старения иссохнет, подобно ели/истлеет под землей; руки, напоминающие крепкие ветви сосны, со временем иссохнут как лучина; лицо с румяными щеками пожелтеет как лист и т.д.:

Шёй октон күй

*Вож(ө) бадяр, ой(ө), кадь ик,
Вож(ө) мугорөд ёй-а вал?
Бөрөз, дөр(ө), но табере,
Сьёйд сюй улон сисьмоса.
Бөрөз, дөр(ө), но табере,
Сьёйд сюй улон сисьмоса.*

*Пужжом(ө) вай, ой(ө), кадь ик,
Сүйёсөд но ёй-а вал?
Бөрөз, дөр(ө), но табере,
Көс чаг сямен куасьмоса.
Бөрөз, дөр, но табере,
Көс чаг сямен куасьмоса.*

*Чужж мер(ө)ччан, ой(ө), кадь ик,
Йөрсүйсөд ёй-а вал?
Бөрөз, дөр(ө), но табере,
Пөд вэллөсад куашкаса,
Бөрөз, дөр(ө), но табере,
Пөд вэллөсад куашкаса.*

Похоронный напев

Зеленый клен, ой, словно,
Не было ли твое молодое тело?
Сгинет, наверное, да теперь,
Истлев под черной землей.
Сгинет, наверное, да теперь,
Истлев под черной землей.

Сосновые ветви, ой, словно,
Не были ли твои руки?
Сгинут, наверное, да теперь,
Высохнув, словно сухая лучина.
Сгинут, наверное, да теперь,
Высохнув, словно сухая лучина.

Светлое льняное волокно, ой, словно,
Не были ли твои [русые] волосы?
Сгинут, наверное, да теперь,
Опав к твоим ногам.
Сгинут, наверное, да теперь,
Опав к твоим ногам (ПМА 1).

В ходе полевых исследований были зафиксированы случаи использования музыкальных инструментов (чаще гармошки, тальянки, реже гитары, баяна и скрипки) в ситуации оплакивания и проводов умершего. В некоторых случаях игра на инструменте может сопровождаться пением участников прощальной

церемонии. На похоронах звучание музыкальных инструментов связано чаще всего с просьбой покойного, реже – с желанием близких родственников, а иногда и с тем, что сам покойный при жизни играл на инструменте, на котором играют при его погребении. В с. Нижнебалтачево Татышлинского р-на РБ на похороны особо уважаемых и именитых односельчан приглашают целый оркестр, что, скорее всего, соотносится с традициями советской гражданской панихиды.

Исполнение песен является также непременной составной частью весенних и осенних поминок (*тулыс но сыйыл кисьтон*) (см. Рис. 6); поют во время застолья и обхода домов. Могут звучать как народные, так и авторские песни на удмуртском, татарском и русском языках.

У закамских удмуртов существует примета: как угостишь участников поминок и какую создашь при этом атмосферу, такими будут состояние и расположение предков. В связи с этим важной составляющей обряда является исполнение песен, чтобы, как говорят информанты, “украсить поминки” (*кисьтонээ ӟамлы карыны*). Поэтому здесь во время застолий, помимо похоронно-поминальных напевов/песен, могут звучать различные гостевые или так наз. старинные напевы *пересь/мойы күй*. При обрядовом посещении домов родственников во время ществия могут исполняться уличные напевы *урам күй* (Анисимов 2022: 175–176, 180).

В традиции буйских удмуртов (Куединский р-н ПК, Янаульский район РБ) спустя год и более после похорон в честь покойного родителя совершали специальный обряд жертвоприношения домашней скотины *лы келян* (букв.: отправление костей [жертвенного животного]), *уллань вандон/уллань*

Рис. 6. Поминальная трапеза во время весенних поминок *тулыс кисьтон*; с. Уразгильды Татышлинского р-на РБ, 2019 г. Фото Н.В. Анисимова

вёсяськон/уллань сётон (букв.: закалывание вниз/моление вниз/отдавание вниз), или *вал сюан* (букв.: лошадиная свадьба). Если поминали мужчину, в жертву обычно приносилась лошадь, а если женщину – корова. По словам информантов, раньше этот обряд мог позволить себе не каждый, поскольку достаточным количеством скотины владели лишь некоторые семьи. Обряд проходил в торжественной, веселой обстановке, собирались родственники и односельчане. После трапезы в доме покойного кости жертвенного животного ночью, незадолго до полуночи, относили на кладбище и вешали на дерево рядом с могилой умершего, которому адресовались эти дары. Иногда песни исполнялись под тальянку или гармошку. Обряд обслуживал специальный напев, сопровождающий проводы костей [жертвенного животного] *лы келян гёй*, который сегодня практически забыт, как и само поминальное жертвоприношение. Сведения о его бытовании сохранились лишь в памяти некоторых свидетелей-старожилов. По нашим сведениям, сам обряд еще функционирует в с. Вотская Ошья Янаульского р-на РБ (см. Рис. 7), однако обрядовый напев уже утерян.

В Научном архиве УИИЯЛ нам удалось обнаружить одну запись *лы келян гёй* из с. Шудек Янаульского р-на РБ. В данном примере напев исполнен на универсальную мелодию, которая может звучать как гостевая или лирическая песня; текст построен на четверостишиях необрядовой лирики, которые также могут быть исполнены в любом другом контексте (см. Рис. 8).

Рис. 7. Мужчина поправляет череп животного, принесенного в жертву во время обряда *уллань вандон* (букв.: закалывание вниз); с. Вотская Ошья Янаульского р-на РБ, 2016 г. Фото Н.В. Анисимова

$\text{♩} = 102$

Мон а - ра-м[а]е-тй но, о - й(ы), по - ты - кым, за - лы-ка - е кы-лиз гой, бадь бор - ды(й),
 за - лы-ка - е кы-лиз гой, бадь бор - ды(у).
 За - лы-ка - е ёз кы-лы(у), ай, бадь бор - ды(у), ёы - ры-ка - е кы-лиз, ла, ёат бор - ды(й),
 ёы - ры-ка - е кы-лиз гой, ёат бор - ды(у).

Рис. 8. Нотный пример. *Лы келян гүй* – Напев, сопровождающий проводы костей [жертвеннного животного] (НА УИИЯЛ 1. Расшифровка И.В. Пчеловодовой)

Мон арама[е]тй но, ой(ы), потыкым,
 Ёалыкае кылиз гой, бадь борды(й),
 Ёалыкае кылиз гой, бадь борды(у).
 Ёырыкае ёз кыльы(у), ай, бадь борды(у),
 Ёырыкае кылиз, ла, ёат борды(й),
 Ёырыкае кылиз гой, ёат борды(у).

Когда я проходила да, ой, через рощу,
 Мой платочек остался ведь,
 [зацепившись] на иве,
 Мой платочек остался ведь, [зацепившись]
 на иве.

Мой платочек не остался, ай, на иве,
 Моя головушка осталась, ла, [жить] с
 чужим,
 Моя головушка осталась, ла, [жить] с
 чужим (НА УИИЯЛ 1).

Ценной находкой стала запись *лы келян гүй* на мотив свадебного напева *васькали* и воспоминаний о проведении обряда жертвоприношения в 2023 г. в с. Каймашабаш Янаульского р-на РБ (см. Рис. 9).

$\text{♩} = 132$

Ба - ке - ль(ы) лў - э - лэ, мон тй - лед(ы)-лы баш - ма-к(ы) сё - тийс - ко,
 со - е до - мен о - к(ы) си - е, ог(ы)-дэс-ог(ы)-ды эн бў - ле!
 Ми тй - лед(ы)-лы пу - до сёйтс - ком, ми-лесь-тым(ы) кы-лем пу - до - ез та - за во - зе,
 ми - ле - мыз та - за ка - ре, ми эш - шо сё - том тй - лед - лы пу - до, та - за ке ка - ри - ды.

Рис. 9. Нотный пример. *Лы келян гүй* – Напев, сопровождающий проводы костей [жертвеннного животного]. (ПМА 10. Расшифровка И.В. Пчеловодовой)

*Бакель лүэлэ, мон түледлы баш(ы)мак
сётийсько,
Сое дэмэн ок(ы) сие, ог(ы)дэс-ог(ы)ды эн
блө!*

*Ми түлед(ы)лы пудо сётском,
милестым кылем пудоеz таза возе,*

*Милемыз таза каре, ми эшио сетом
түледлы пудо, таза ке кариды.*

Примите, [умершие], я вам телочку
отдаю,
Ее вместе едите, друг друга не
обделяйте!

Мы вам скотинушку отдаем,
оставшуюся нашу скотинушку здоровой
оберегайте,
Нас здоровыми сделайте, мы вам снова
скотинушку дадим, если здоровыми
сделаете (ПМА 10).

Важно подчеркнуть, что исполнение поминального напева на мелодию свадебной песни свидетельствует о древности напева. По замечанию В.Е. Владыкина и Р.А. Чураковой, в прошлом напев “сюан” не только был связан со свадебной ситуацией, но и нес в себе общее символическое значение напева-символа для каждой конкретной местности, тем самым маркируя переломный момент в жизни, переход к новой фазе существования (Владыкин, Чуракова 2012: 36). Эту информацию подтверждают материалы финского исследователя У. Хольмберга, отмечавшего, что еще в 1911 г. во время этого обряда закамские удмурты использовали свадебные напевы, а при отправлении на кладбище с поминальными дарами пели песни и веселились, олицетворяя собой свадебный поезд (Лалукка и др. 2014: 111), звенели бубенцами, привязанными к дугам коней (Садиков 2019: 189).

По сведениям Ю. Вихманна и Р.Р. Садикова, в традиции закамских удмуртов некогда бытовал поминальный обряд с жертвоприношением, отправляемый каждые три года (Wichmann 1894: 40; Садиков 2019: 211). Например, в д. Будья Варяш Янаульского р-на РБ, согласно данным Р.Р. Садикова, на кладбище приносили в жертву овцу, мясо которой здесь отваривали, а затем каждая группа съедала свою часть на родовом участке. После этого, собравшись вместе, обходили кладбище под игру на гармони и исполнение песен (Садиков 2019: 211). Можно предположить, что в описываемой обрядовой ситуации напев исполнялся на свадебный мотив.

Поминальные обряды не воспринимались удмуртами как горестные, наоборот, их проведение означало некий праздник в честь покойных, подчеркивалась особая важность и торжественность мероприятия. Посредством календарных поминок выказывалось почтение к предкам, налаживались добрые, уважительные отношения между живыми и мертвыми.

Тексты похоронно-поминальных обрядов довольно многочисленны, поэтизированы, содержат развернутые философские размышления, выражения горести в связи с утратой родного человека, обращения к умершему или даже от лица умершего.

В настоящее время популярными становятся авторские песни, в том числе эстрадные, на удмуртском и татарском языках или в переводе (с татарского на удмуртский). В д. Андреевка Янаульского р-на РБ исполнители отметили популярность заимствованной авторской татарской песни “Пар алма” (“Пара яблок”) (сл. С. Ахметжановой, муз. З. Хайретдина): местные удмурты исполняют ее на похоронно-поминальных церемониях – это характерно для современной удмуртской фольклорной традиции. В подобных песнях мотив утраты любимого человека оказывается связанным с мотивом утраты в других жизненных обстоятельствах:

Алларыма килем тызлендын(ы) син,
Кулларында иде пар алма.
Пар алмадай бигрек татлы булып
Тышлерыме килем юрасы(у).
Ўзыллыплер тыште пар ал(ы)макай
Ятимленеп калды ал(ы)магась.
Ўзеле бит инде јзеккеем,
Ялгызлыктан дэуа булмагась.
Ўзыллыплер тыште пар ал(ы)макай
Ятимленеп калды ал(ы)магась.
Ўзеле бит инде јзеккеем,
Ялгызлыктан дэуа булмагась.
Пар алмадай, пар алмадай идэ,
Ўз күзләрем тиде, күресьын.
Пар алмадай бигрек татлы булып,
Тышләрима килем кирәсын.

Ўзыллыплер тыште пар ал(ы)макай
Ятимленеп калды ал(ы)магась.
Ўзеле бит инде јзеккеем,
Ялгызлыктан дэуа булмагась.
Ўзыллыплер тыште пар ал(ы)макай
Ятимленеп калды ал(ы)магась.
Ўзеле бит инде јзеккеем,
Ялгызлыктан дэуа булмагась.

Яңим яуа бары салкын кыз(ы)лер
Бар тыслерне зиргэ тигезлер.
Тышләрима күрген пар алма дай
Баксялар(ы)да йырим мин эз(ы)леп.
Ўзыллыплер тыште пар ал(ы)макай
Ятимленеп калды ал(ы)магась.
Ўзеле бит инде јзеккеем,
Ялгызлыктан дэуа булмагась.
Ўзыллыплер тыште пар ал(ы)макай
Ятимленеп калды ал(ы)магась.
Ўзеле бит инде јзеккеем,
Ялгызлыктан дэуа булмагась.

Ты являешься ко мне и снова
Держа пару яблок на [своих] коленях.
Каждую ночь ты мне так вот снишься
Не покидай же ты меня так на заре.
Потеряв свою пару яблок,
Опустела, осиротела яблоня та.
Рвется душа на куски и на части,
Одиночество ведь не лечится.
Потеряв свою пару яблок,
Опустела, осиротела яблоня та.
Рвется душа на куски и на части,
Одиночество ведь не лечится.
Парой были мы, как та пара яблок,
Видно я испортил, сглазил все сам.
Теперь мы вместе, как пара тех яблочек
Сладких, лишь когда ты приходишь во сне.

Потеряв свою пару яблок,
Опустела, осиротела яблоня та.
Рвется душа на куски и на части,
Одиночество ведь не лечится.
Потеряв свою пару яблок,
Опустела, осиротела яблоня та.
Рвется душа на куски и на части,
Одиночество ведь не лечится.

Холодные дожди осеннею порой
Сравняли все с землею, краски и цветы.
Пару яблок, которые мне приснились,
По садам гуляю и ишу.
Потеряв свою пару яблок,
Опустела, осиротела яблоня та.
Рвется душа на куски и на части,
Одиночество ведь не лечится.
Потеряв свою пару яблок,
Опустела, осиротела яблоня та.
Рвется душа на куски и на части,
Одиночество ведь не лечится (ПМА 6).

В некоторых случаях в интернете публикуются посты с фотографиями умершего, при этом прикрепляются различные авторские песни; иногда создается видеоролик с фотографиями умершего, на фоне которого звучит песня. Эти видео могут демонстрировать и во время частных поминок по умершему.

Исполнение горестных песен вне похоронно-поминальных обрядов не приветствуется, особенно молодыми людьми. Считается, что эти напевы могут навлечь несчастье, горе и трудную судьбу.

* * *

Проведенное исследование показывает, что обязательной составляющей потребального и поминального ритуалов закамских удмуртов является исполнение похоронно-поминальных песен/напевов. Одного типового напева не существует;

можно выделить несколько характерных напевов, зафиксированных в разных населенных пунктах. Однако в большинстве случаев для сопровождения похоронно-поминальных обрядов используются гостевые напевы, лирические и авторские песни, имеющие непосредственную связь с культурой соседних тюркских народов (татар, башкир, отчасти чuvашей). Этот факт можно объяснить тем, что сегодня важен не столько напев как элемент обряда (за исключением напева *лы келян гүй*, сопровождающего проводы костей [жертвенного животного], который уже практически забыт), сколько возможность неприемлемого в других обстоятельствах выражения своих эмоций, мыслей и желаний. Этот феномен музыкальной психологии, по мнению удмуртского этномузыковеда И.М. Нуриевой, объясняется некоторыми типичными чертами удмуртской культуры. В рамках коммуникативного взаимодействия удмурты, как интроверты, обычно избегают открытого выражения своих эмоций: они не склонны к громкому плачу, сильному смеху или широкому жестикулированию (Нуриева 2014: 206). Именно пение в рамках ритуала, являясь средством коммуникации, объединяет людей и создает катарсический/психотерапевтический эффект, устанавливая диалог между мирами. При этом пение не только служит средством коммуникации и самовыражения, но и, выступая в качестве своеобразного оберега, указывает на то, что наша жизнь протекает в тени смерти. Любая песня, включенная в контекст ритуала, получает магическое значение, выступая в виде метафоры речи или завуалированной формы общения с миром мертвых.

Примечания

¹ В данном случае имеется в виду психофизиологическая реакция человека, а не песенный жанр.

² В примере приведен текст с сохранением диалектных особенностей произношения в момент исполнения песни. Ниже дается текст на татарском языке:

*Атлар килә, атлап, атлап,
Алма чәчкәсән тап-тап шул.
Сагынгандә карар идем
Тора кар урманларда,
Сагынгандә карар идем
Тора кар урманларда.*

Источники и материалы

ПМА 1 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в с. Новые Татышлы Татышлинского р-на РБ. 2019 г. (информант Ш.Н. Николаева, 1934 г.р.).

ПМА 2 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в д. Старый Кызыл-Яр Татышлинского р-на РБ. 2019 г. (информанты: В.Х. Абкадирова, 1961 г.р.; Ф.Т. Галимьянова, 1958 г.р.; З.А. Гилимзянова, 1972 г.р.; Р.Г. Гильмиярова, 1948 г.р.; Л.И. Зарипова, 1951 г.р.; Ф.Г. Хазимарданова, 1958 г.р.; К.И. Шуфаева, 1944 г.р.).

ПМА 3 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в с. Большекачаково Калтасинского р-на РБ. 2022 г. (информанты: М.Т. Ахмадыршина, 1957 г.р., Т.Г. Ахметгараева Таслима, 1958 г.р., И.Ю. Вагапова, 1958 г.р., А.Н. Набиева, 1932 г.р., А.Г. Насипуллин, 1951 г.р., С.С. Суфиярова, 1958 г.р., Е.Б. Тимирханова, 1959 г.р., И.В. Тимирханова, 1972 г.р., Р.Х. Тимиршина, 1956 г.р., К.А. Шакирова, 1939 г.р.)

- ПМА 4 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в с. Каймашбаш Янаульского р-на РБ. 2022 г. (информанты: С.М. Бадамшина, 1960 г.р.; Р.М. Бадретдинова, 1963 г.р.; Г.Д. Байназарова, 1964 г.р.; А.М. Богданова 1958 г.р.; А.М. Шабутдинова, 1955 г.р.).
- ПМА 5 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в с. Шудек Янаульского р-на РБ. 2022 г. (информанты: Л.Г. Байдуллина, 1953 г.р.; Н.Б. Валиева, 1952 г.р.; Р.М. Гараева, 1948 г.р.; Г.М. Касфатова, 1940 г.р.; З.М. Удавишина, 1962 г.р.; Н.С. Уразметова, 1953 г.р.; А.Г. Уракбаева, 1949 г.р.).
- ПМА 6 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в д. Андреевка Янаульского р-на РБ. 2022 г. (информанты: М.Г. Байдуллина, 1946 г.р.; А.Г. Валиева, 1941 г.р.; Р.Р. Гафиуллина, 1980 г.р.; А.Г. Гафиуллина, 1958 г.р.; Ф.К. Гафиуллина, 1957 г.р.; Ф.С. Гаязова, 1962 г.р.; Р.Г. Марданова, 1958 г.р.; Х.А. Марданова, 1953 г.р.; Ф.Г. Миндиярова, 1963 г.р.; З.А. Назмутдинова, 1950 г.р.; А.Н. Петрова, 1963 г.р.).
- ПМА 7 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в с. Старокальмиярово Татышлинского р-на РБ. 2022 г. (информанты: С.Б. Ахметзянова, 1974 г.р.; Н.С. Гильманшина, 1959 г.р.; Ж.Н. Иванова, 1979 г.р.; И.С. Шайсламова, 1971 г.р.).
- ПМА 8 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в д. Петропавловка Татышлинского р-на РБ. 2023 г. (информанты: И.С. Шайсламова, 1971 г.р.; И.Т. Шайсламова, 1957 г.р.).
- ПМА 9 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в с. Уразгильды Татышлинского р-на РБ. 2023 г. (информанты: А.Т. Байдуллина, 1971 г.р.; З.М. Риянова, 1964 г.р.).
- ПМА 10 – Полевые материалы Н.В. Анисимова. Экспедиция в с. Каймашбаш Янаульского р-на РБ. 2023 г. (информант Б.И. Тимеркаева, 1938 г.р.).
- НА УИИЯЛ 1 – Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН. МК 49-3. Ст. А 14. Экспедиция в с. Шудек Янаульского р-на РБ. 1982 г. Состав: В.Е. Владыкин, Т.Г. Перевозчикова (информант А.Г. Баширова, 1926 г.р.).
- НА УИИЯЛ 2 – Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН. МК 74-3(2). В 9. Экспедиция в д. Байшады Бураевского р-на РБ. 1991 г. Состав: И.М. Нуриева (информант Р.Б. Мазитова, 1918 г.р.)
- Wichmann 1894 – Wichmann Y. Tietoja Birskin votjaakkien (Ufan kuv.) tavoista, uskonn. menoista y.m. // Suomalais-Ugrilainen Seuran Tutkimusarkisto. Kotelo 727. 1894.*

Научная литература

- Анисимов Н.В.* Весенние поминки тулыс кисьтон закамских удмуртов: современное бытование традиции // Этнографическое обозрение. 2022. № 5. С. 166–186.
- Атаманов М.Г.* Из истории формирования закамской группы южных удмуртов // Вордском кыл. 2004. № 1. С. 79–90.
- Атаманов М.Г.* От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005.

- Бочкарева М.* Песенная культура закамских удмуртов. Диплом. работа. Казанская государственная консерватория, Казань, 2020.
- Владыкин В.Е., Чуракова Р.А.* Обряд “Йыр-пыд сётон” в поминальном ритуале удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 3. С. 27–41.
- Камалтдинова А.В.* Допесенное и песенное интонирование в музыкальном фольклоре закамских удмуртов (методика нотировки звукозаписей). Диплом. работа. Удмуртский государственный университет, Ижевск, 2007.
- Кельмаков В.К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: учебное пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртский университет, 2006.
- Кондратьев М.Г.* Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЕР СЭ, 2007.
- Косарева И.А.* Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX – начале XX в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000.
- Лаллукка С., Миннияхметова Т.Г., Садиков Р.Р.* (ред.) Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг. (Matkat udmurttien ja marien luo. Uno Holmbergin kirjeitä vuosilta 1911 ja 1913) / Ред. С. Лаллукки, Т.Г. Миннияхметовой, Р.Р. Садикова. СПб.: Европейский дом, 2014.
- Луппов П.Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Вятка: Н.А. Огородников и К., 1901.
- Миннияхметова Т.Г.* Роль этнической среды в формировании песенного репертуара деревни // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья / Отв. ред. Т.Г. Владыкина, Л.С. Христолюбова. Ижевск: УИИЯЛ, 1989. С. 128–139.
- Миннияхметова Т.Г.* Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000.
- Миннияхметова Т.Г.* Поминальные обряды закамских удмуртов // Финно-угорская фольклористика на пороге нового тысячелетия. Материалы научной конференции (Международная летняя школа. Глазов, 17–30 августа 2000 г.) / Отв. ред. Т.Г. Владыкина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 84–95.
- Миннияхметова Т.* Традиционные обряды закамских удмуртов. Структура. Семантика. Фольклор. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003.
- Насибуллин Р.Ш.* Закамские говоры удмуртского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Тартуский государственный университет, Тарту, 1972.
- Никитина Г.А.* Закамские удмурты: общее и особенное // Финно-угорский мир. 2016. № 2. С. 42–50.
- Нуриева И.М.* Закамские удмурты: традиция парадоксов (этномузыковедческий этюд) // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 150–158.
- Нуриева И.М.* Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования. Дис. ... д-ра искусствоведения. Государственный институт искусствознания, Ижевск, 2014.
- Пчеловодова И.В., Анисимов Н.В.* Песенная традиция закамских удмуртов: история сокращения и изучения // Государственность Удмуртии: историко-культурные практики и стратегии современного развития: сборник статей по материалам Международного научно-практического форума “100-летие государственности Удмуртии: исторические вехи и перспективы развития” (Ижевск, 15 октября 2020 г.). Т. 2. Ч. 1. Ижевск: МарШак, 2020. С. 71–80.

- Пчеловодова И.В., Анисимов Н.В.* Песенный фольклор закамских удмуртов в контексте весеннего обрядового комплекса *Быдзыннал* // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2022. Т. 13. № 2. С. 84–97.
- Садиков Р.Р.* Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа: Гилем, 2001.
- Садиков Р.Р.* Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа: Центр этнологических исследований УНЦ РАН, 2008.
- Садиков Р.Р.* Похоронная и поминальная обрядность закамских удмуртов (по полевым материалам) // Документы и материалы по истории и этнографии народов Южного Урала. Вып. 1 / Сост., отв. ред. Ф.Г. Галиева. Уфа: Диалог, 2017. С. 173–194.
- Садиков Р.Р.* Традиционная религия закамских удмуртов (история и современность). Уфа: Первая типография, 2019.
- Смирнова Е.В., Бочкарева М.В.* Песенная традиция закамских удмуртов (по результатам полевых экспедиций 2017–2018 годов) // Музыка. Искусство, наука, практика. 2020. № 4 (32). С. 59–74.
- Тараканов И.В.* Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных). Дис. ... канд. филол. наук. Тартусский государственный университет, Тарту, 1958. <https://dspace.ut.ee/server/api/core/bitstreams/db1905ca-6654-4c50-9bd6-07ff8fc3e9cf/content>
- Христолюбова Л.С., Миннияхметова Т.Г.* Удмурты Башкортостана. История, культура, современность. Уфа: РЦНТ, 1994.
- Черных А.В.* Буйские удмурты: этнографический очерк. Пермь: Пермский областной творческий центр, 1995.
- Vikár L., Bereczki G.* Votyak Folksongs. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989.

Research Article

Anisimov, N.V., and I.V. Pchelovodova. Musical-Song Folklore in the Context of Funeral-Memorial Tradition of the Eastern Udmurts [Myzykal'no-pesennyyi folklor v kontekste pohoronno-pominal'noi traditsii zakamskikh udmurтов]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2025, no. 1, pp. 194–197. <https://doi.org/10.31857/S0869541525010099> EDN: URJHIP ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Nikolai Anisimov | <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562> | kyldysin@yandex.ru | Estonian Literary Museum (42 Vanemuise Str., 51003, Tartu, Estonia) | Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (4 Lomonosova Str., 426004, Izhevsk, Russia)

Irina Pchelovodova | <https://orcid.org/0000-0002-5553-0100> | orimush@mail.ru | Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (4 Lomonosova Str., 426004, Izhevsk, Russia)

Keywords

Eastern Udmurts, ancestor worship, funeral-memorial rituals, communication, world of the dead, song folklore, funeral-memorial songs

Abstract

The article examines the musical and song folklore of the Eastern Udmurts in the context of the culture of funeral and memorial rites. Drawing both on the archival and field data, we discuss the functions, symbolism, terminologies, as well as musical and poetical aspects of songs and melodies performed during funeral and commemoration rites. The sources that we explored point to the strong influence of the neighboring Turkic musical culture. We argue that there is not a single basic tune or melody that could be considered as typical for the funeral and commemorative culture of the Eastern Udmurts; rather, one can speak of a variety of local tunes and melodies. There are both welcome songs and lyrical or folk songs that are frequently performed during the rites. The latter, in their musical aspects, are usually close to the folk culture of neighboring Turkic peoples, such as the Tatar, Bashkir, or perhaps sometimes Chuvash. The presence of lyrical songs in the ritual contexts is due to the fact that those let the rite participants express much stronger emotions, which may be considered excessive and unnecessary in everyday life. The study confirms the assumption that songs in funeral and commemoration rites function as a medium for communication in the sacral dialog between the worlds.

References

- Anisimov, N.V. 2022. *Vesennie pominki tulys kis'ton zakamskikh udmurtov: sovremennoe bytovanie traditsii* [The *Tulys Kis'ton* Spring Commemorations of the Dead among the Eastern Udmurt: Modern Living of a Tradition]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 166–186. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050098>
- Atamanov, M.G. 2004. *Iz istorii formirovaniia zakamskoi gruppy yuzhnykh udmurtov* [From the History of the Formation of the Eastern Group of Southern Udmurts]. *Vordskem kyl* 1: 79–90.
- Atamanov, M.G. 2005. *Ot Dondykara do Ursygurta. Iz istorii udmurtskikh regionov* [From Dondykar to Ursygurt: A History of the Udmurt Regions]. Izhevsk: Udmurtiia.
- Bochkareva, M. 2020. *Pesennaia kul'tura zakamskikh udmurtov* [The Song Culture of the Eastern Udmurts]. MA Thesis. Kazanskaia gosudarstvennaia konservatoriia, Kazan'.
- Chernykh, A.V. 1995. *Buiskie udmury: etnograficheskii ocherk* [Bui Udmurts: Ethnographic Sketch]. Perm': Permskii oblastnoi tvorcheskii tsentr.
- Kamaltdinova, A.V. 2007. *Dopesennoe i pesennoe intonirovanie v muzykal'nom fol'klore zakamskikh udmurtov (metodika notirovki zvukozapisei)* [Pre-Song and Song Intonation in the Musical Folklore of Eastern Udmurts (Methodology of Transcribing Sound Recordings)]. Graduate Thesis. Udmurtskii gosudarstvennyi universitet, Izhevsk.
- Kelmakov, V.K. 2006. *Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: uchebnoe posobie dlia vysshikh uchebnykh zavedenii* [Brief Course in Udmurt Dialectology: Textbook for Higher Education Institutions]. Izhevsk: Udmurtskii universitet.
- Khristoliubova, L.S., and T.G. Minniakhmetova. 1994. *Udmuryt Bashkortostana. Istorija, kul'tura, sovremennost'* [Udmurts of Bashkortostan: History, Culture, Contemporary Life]. Ufa: RTSNT.
- Kondratiev, M.G. 2007. *Chuvashskaia muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniia sovremenного professionalizma* [Chuvash Music: From Mythological Times to the Emergence of Modern Professionalism]. Moscow: PER SE.
- Kosareva, I.A. 2000. *Traditsionnaia zhenskaia odezhda periferiinykh grupp udmurtov (kosinskoi, slobodskoi, kukmorskoi, shoshminskoi, zakamskoi) v kontse XIX – nachale XX v.* [Traditional Women's Clothing of Peripheral Groups of Udmurts (Kosinsky, Slobodsky, Kukmorsky, Shoshminsky, Eastern) at the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries]. Izhevsk: UIIIaL UrO RAN.

- Lallukka, S., T.G. Minniyakhmetova, and R.R. Sadikov, eds. 2014. *Puteshestviia k ud-murtam i mariitsam. Pis'ma Uno Khol'mberga 1911 i 1913 gg.* [Travel to the Udmurt and the Mari: Uno Holmberg's Correspondence 1911 and 1913]. St. Petersburg: Evropeiskii dom.
- Lupov, P.N. 1901. *Khristianstvo u votiakov so vremenii pervykh istoricheskikh izvestii o nikh do XIX veka* [Christianity Among the Votyaks from the Earliest Historical Records to the 19th Century]. Viatka: N.A. Ogorodnikov i K.
- Minniyakhmetova, T.G. 1989. Rol' etnicheskoi sredy v formirovaniii pesennogo repertuara derevni [The Role of the Ethnic Environment in Shaping the Song Repertoire of a Village]. In *Fol'klor i etnografija udmurtov: obriady, obychai, pover'ia* [Folklore and Ethnography of the Udmurts: Rituals, Customs, Beliefs], edited by T.G. Vladykina and L.S. Khristoliubova, 128–139. Izhevsk: UIIIaL.
- Minniyakhmetova, T.G. 2000. *Kalendarnye obriady zakamskikh udmurtov* [The Eastern Udmurt's Calendar Rituals]. Izhevsk: UIIIaL UrO RAN.
- Minniyakhmetova, T.G. 2001. Pominal'nye obriady zakamskikh udmurtov [The Eastern Udmurt's Commemorative Rituals]. In *Finno-ugorskaia fol'kloristika na po-roge novogo tysiacheletiiia* [Finno-Ugric Folkloristics on the Doorstep of the New Millennium: Conference Materials], edited by T.G. Vladykina, 84–95. Izhevsk: UIIIaL UrO RAN.
- Minniyakhmetova, T. 2003. *Traditsionnye obriady zakamskikh udmurtov. Struktura. Semantika. Fol'klor* [The Eastern Udmurt's Traditional Rituals: Structure, Semantics, Folklore]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- Nasibullin, R.S. 1972. *Zakamskie govory udmurtskogo yazyka* [The Eastern Dialects of the Udmurt Language]. PhD diss., University of Tartu.
- Nikitina, G.A. 2016. *Zakamskie udmurty: obshchee i osobennoe* [Eastern Udmurts: Commonalities and Uniqueness]. *Finno-ugorskii mir* 2: 42–50.
- Nurieva, I.M. 2013. *Zakamskie udmurty: traditsiiia paradoksov (etnomuzykovedcheskii etiud)* [Eastern Udmurts: Tradition of Paradoxes (Ethnomusicological Study)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 150–158.
- Nurieva, I.M. 2014. *Udmurtskaia muzykal'no-pesennaia traditsiia: spetsifika zhanroobra-zovaniia i funktsionirovaniia* [The Udmurt Musical-Song Tradition: Specifics of Genre Formation and Functioning]. PhD diss., State Institute of Art Studies, Izhevsk.
- Pchelovodova, I.V., and N.V. Anisimov. 2020. *Pesennaia traditsiia zakamskikh udmurtov: istoriia sobiraniia i izucheniiia* [The Song Tradition of the Eastern Udmurts: History of Collection and Study]. In *Gosudarstvennost' Udmurtii: istoriko-kul'turnye praktiki i strategii sovremenennogo razvitiia* [The Statehood of Udmurtia: Historical-Cultural Practices and Strategies of Modern Development], 2 (1): 71–80. Izhevsk: MarShak.
- Pchelovodova, I.V., and N.V. Anisimov. 2022. *Pesennyi fol'klor zakamskikh udmurtov v kontekste vesennego obriadovogo kompleksa Byd'zhynnal* [The Song Folklore of the Eastern Udmurts in the Context of the Spring Ritual Complex 'Byd'zhynnal']. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ia* 13 (2): 84–97.
- Sadikov, R.R. 2001. *Poseleniia i zhilishcha zakamskikh udmurtov (material'nyi i dukhovnyi aspekty)* [The Eastern Udmurt's Settlements and Dwellings (Material and Spiritual Aspects)]. Ufa: Gilem.
- Sadikov, R.R. 2008. *Traditsionnye religioznye verovaniia i obriadnost' zakamskikh udmurtov (istoriia i sovremenennye tendentsii razvitiia)* [Traditional Religious Beliefs and

- Rituals of the Eastern Udmurts (History and Modern Trends of Development)]. Ufa: Tsentr etnologicheskikh issledovanii UNTs RAN.
- Sadikov, R.R. 2017. Pokhoronnaia i pominal'naia obriadnost' zakamskikh udmurтов (po polevym materialam) [The Eastern Udmurt's Funeral and Commemorative Rituals (Based on Fieldwork)]. In *Dokumenty i materialy po istorii i etnografii narodov Yuzhnogo Urala* [Documents and Materials on the Southern Ural Peoples' History and Ethnography], edited by F.G. Galieva, 1: 173–194. Ufa: Dialog.
- Sadikov, R.R. 2019. *Traditsionnaia religiia zakamskikh udmurтов (istoriia i sovremennost')* [The Traditional Religion of the Eastern Udmurt (History and Contemporary Situation)]. Ufa: Pervaia tipografija.
- Smirnova, E.V., and M.V. Bochkareva. 2020. Pesennaia traditsiia zakamskikh udmurтов (po rezul'tatam polevykh ekspeditsii 2017–2018 godov) [The Song Tradition of the Eastern Udmurts (Based on the Results of Field Expeditions in 2017–2018)]. *Muzyka. Iskusstvo, nauka, praktika* 4 (32): 59–74.
- Tarakanov, I.V. 1958. Foneticheskie osobennosti bavlinskogo dialektu udmurtskogo iazyka (v svete eksperimental'nykh dannykh) [Phonetic Features of the Bavly Dialect of the Udmurt Language (in Light of Experimental Data)]. PhD dis. Tartusskii gosudarstvennyi universitet. <https://dspace.ut.ee/server/api/core/bitstreams/db1905ca-6654-4c50-9bd6-07ff8fc3e9cf/content>
- Vikár, L., and G. Bereczki. 1989. *Votyak Folksongs*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Vladykin, V.E., and R.A. Churakova. 2012. Obriad “Iyr-pyd seton” v pominal'nom rituale udmurтов [The Ritual of “Yyr-pyd seton” in the Memorial Rite of the Udmurts]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* 3: 27–41.